

НОВОСТИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 12 (1148)

Декабрь, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИРИНА ЕРМАКОВА — Средний мир, стихи	3
АЛИСА РОЙДМАН — Горная смола, повесть	5
ГЛЕБ МИХАЛЁВ — Знакомые вещи, стихи	44
ГИЯ СИЧИНАВА — Спаржа! Нелепая попытка феноменологического описания	48
ВАДИМ МУРАТХАНОВ — Путешествие, стихи	67
КРИСТИНА ГРИШИНА — Мы смотрели Джармуша. Пьеса в одном действии	69
ВИКТОР КУЛЛЭ — Музыка мертвых, стихи	75
ЕВГЕНИЙ МАМОНТОВ — Ино, рассказы	80
ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ — Рождество, стихи	94
ВЛ. НОВИКОВ — Высоцкий как Достоевский, эссе	98
МИХАИЛ ЯСНОВ — На излете канунов, стихи	106

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ХОЛЛ КЕЙН (1853 — 1931) — Сердце мое. Перевод с английского Максима Калинина	112
--	-----

ИЗ НАСЛЕДИЯ

АЛЕКСАНДР СОПРОВСКИЙ — «Стихи и дружба — то есть жизнь...» Письма Александра Сопровского к Татьяне Полетаевой. Предисловие, комментарии и публикация Екатерины Полетаевой	117
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАТАЛИЯ АЗАРОВА — Есенин глазами Целана или Целан глазами Есенина	138
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ — Куприн переформатированный (еще раз о рассказе Ивана Бунина «Руся»)	152
---	-----

ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 150-ЛЕТИЮ ИВАНА БУНИНА: Александр Марков. Бердяев как Бунин; Александр Мелихов. Две жажды; Александр Чанцев. «Темные аллеи» — распаковывание пошлости;	
---	--

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

Александр Шунейко. Четыре сестры Ивана Бунина; Татьяна Зверева. Бунин при свете Жуковского / Жуковский в тени Бунина;	
Евгений Ермолин. Еще не стих; Карина Разухина. «Нереализм» Бунина;	
Игорь Сухих. Нобелиат Собакевич; Татьяна Северюхина. Познать неприкаянность (энный раз о «Солнечном ударе»); Иван Родионов. «Мухи увяданья» Ивана Бунина; Ольга Акакиева. Бунин и Bunin в Москве (о памяти и топонимике); Сергей Дмитренко. Смарагд смарагд;	
Дмитрий Козлов. Тень в вишневом саду (заметки об Иване Бунине, «сиротах» и плоти). Вступительное слово Владимира Губайловского	155

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Инна Булкина. Помнить нельзя забыть (София Андрухович. Амадока)	181
Юрий Рыдкин. Эксгумация боли (Лида Юсупова. Приговоры)	184
Александр Чанцев. Философ-зуб, или Как одолжить деньги по Хайдеггеру (М. Хайдеггер: pro et contra. Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли)	187
Вера Калмыкова. Жизнь на обложке, или Невыносимая ясность чтения (Ольга Балла. Пойманный свет. Смысловые практики в книгах и текстах начала столетия)	192

КНИЖНАЯ ПОЛКА ДМИТРИЯ БАВИЛЬСКОГО	195
СЕРИАЛЫ С ИРИНОЙ СВЕТЛОВОЙ	202
МАРИЯ ГАЛИНА: HYPERFICTION	207

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги: выбор Сергея Костырко	215
Периодика (составитель А. Василевский)	218
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 2020 ГОД	232
SUMMARY	240

В 2021 году физические лица могут подписаться на журнал в редакции с любого месяца по цене 350 руб. за 1 экз; стоимость подписки на полугодие 2100 руб. (для РФ)

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

- Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: 7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29

Эл. почта: zakazinovimir@mail.ru / Сайт: nm1925.ru

Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно на сайте Объединенного каталога «Пресса России»:
http://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/y_e70636/

В 2020 году «Новый мир» выходит при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Новый мир», 2020

Владея тишиной и главенствуя над нею, Иван Бунин — архистратиг средневековый, лукаво предлагает нам заткнуться, чтобы в полном безмолвии звучал только его голос.

Татьяна Зверева, доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета. Ижевск.

БУНИН ПРИ СВЕТЕ ЖУКОВСКОГО / ЖУКОВСКИЙ В ТЕНИ БУНИНА

На исходе XIX века поэт Константин Фофанов выпустил поэтический сборник «Тени и тайны». Название сборника не только открыло путь для будущих символистов, но и дало направление для всей русской литературы, творящей в сумраке рубежного времени. Несмотря на то, что Иван Бунин принадлежал к числу художников, не причислявших себя к эпохальным веяниям, «тьень Люциферова крыла» (А. Блок) была отброшена и на его творения.

Все — словно в полусне. Над серою водою
Сползает с гор туман, холодный и густой,
Под ним гудит прибой, зловеще расстилаясь,
А темных голых скал прибрежная стена,
В дымящийся туман погружена,
Лениво курится, во мгле небес теряясь.

(«Сумерки»)

А началась эта история на закате блестящего XVIII века, когда в русскую литературу пришел далекий предок Бунина — Василий Жуковский. Его первая, по-настоящему талантливая (правда, на английский манер) элегия «Сельское кладбище» воплощала жанр модной тогда «унылой» (читай — «сумрачной») поэзии. Однако скоро вектор творчества резко изменит свое направление и устремится к той «незримо-светлой дали», которая и является, по мнению Жуковского, единственным настоящим пристанищем человеческой души. Отныне творчество станет способом преодоления исходного мрака времени, всегда апокалипсического по своему существу. Сегодня поэзия Жуковского часто воспринимается как тихая пристань, олицетворение недвижимого потока Славянки. Но что скрывалось за нетленным светом и надмирной тишиной? Убийство царя в собственной спальне, сдача Москвы в 1812 году, выход друзей на Сенатскую площадь, польское восстание 1830 — 1831 годов, революция в Европе 1848 — 1849 годах. На все эти события поэт реагировал чрезвычайно остро. Характеризуя современность, Жуковский писал о «конвульсиях мира современного», о «сатанинском визге нашего времени», о «вое всемирного вихря»... Однако чем гуще мгла, тем сильнее тяга человека к свету. Последние годы в Германии, где осуществлялся труд всей жизни («Одиссея»), стали для Жуковского отчаянной попыткой сопротивления истории. В смутные времена «Одиссея» должна была «обратить шум ветра в гармонию», при этом сам поэт уже давно ощущал себя чужаком в своем веке. Впереди у Жуковского останется только «не-приезд» на Родину, смерть на чужбине и обретение последнего предела:

Бессмертье, тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!
Вы, странники, терпенье!

(«Эолова арфа»)

Пройдет столетие, и судьба Жуковского повторится в судьбе Ивана Бунина — еще одного изгнанника времени. Бунин не называл Жуковского

в числе своих любимых поэтов, но имя его повторял часто. Замечательно, что одной из первых книг, в детстве самостоятельно прочитанных Буниным, была «Одиссея» в переводе Жуковского. Вслед за Жуковским Бунин переводит отрывок поэмы «Лала-Рук» Т. Мура и «Лесного царя» В. Гёте. Нельзя сказать, что Бунин творил в тени Жуковского — скорее он писал в сотворенном им свете. В отличие от Жуковского, почти всегда романтически отрешенного от наличной реальности и устремленного к высшим мирам, Бунин никогда от действительности не отворачивался — сказывался накопленный опыт предшествующего столетия. Оптика его ранних и поздних произведений удивительно точна, и эта чистая очерченность линий как бы изначально противостоит принципу «развоплощенности» объекта, некогда утверждаемому в поэзии Жуковского. Плавности линий элегического мира Жуковского Бунин противопоставил резкость модернистского росчерка: «...на черном небе, ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды. Потом стали обозначаться в светлеющем небе черные сучья, осыпанные минерально блестящими звездами...» («Холодная осень»). Точкой сходства двух разных художников становится созерцательность — вслушивание и вглядывание в тайнства мира. «На минуту мы опустили весла — и наступила глубокая тишина. <...> С весел упала капля, другая...» («Ночь»). Звук капли нарушает тишину в бунинском мироздании — подобным образом летящий лист «смушает тишину» в «Славянке» Жуковского. В одном из своих программных рассказов Бунин писал о невыразимости высшей реальности: «Жизнь осталась где-то там, за этими горами, а мы вступаем в благословенную страну той тишины, которой нет имени на нашем языке» («Тишина»). Парадоксальным образом бунинский рассказ смыкается с главным эстетическим манифестом русского романтизма начала XIX века — «Невыразимым» Жуковского. Подлинные откровения мира не могут быть переданы словом — и Жуковский и Бунин всегда ощущали тот предел, за которым бессильна кисть художника (быть может, с этим связана характерная для обоих любовь к апофатическим конструкциям).

Поэзия Жуковского сосредоточена на метафизическом измерении мира, время же историческое проступает главным образом в его письмах и публицистике. По глубокому убеждению поэта, историей часто движет «рука Сатаны». В отличие от Жуковского, понимание тьмы у Бунина носит не исторический, а онтологический характер. И 1914 год, и революция, и Вторая мировая война — все еще впереди, а «тьма египетская» уже стоит у порога: «И тьма резко чернела в открытых дверях и окнах, стояла и глядела в ярко освещенную столовую»; «...по-прежнему было холодно и тихо, по-прежнему чернела за окнами тьма». Корабль из рассказа «Господин из Сан-Франциско» — грандиозная метафора, напоминающая о неизбежности «последнего катаклизма» (Ф. Тютчев). Холодный ночной океан объемлет мир, поглощая хрупкий ковчег, на котором плывет человечество. Исторические события, по Бунину, лишь сгущают эту исходную мглу.

«Окаянные дни» — почти зеркальное отражение писем Жуковского из Европы, объятой огнем революции. Язык отчаяния — общий язык, здесь стираются различия между классическим XIX столетием и модернистским XX веком. Вот страшные свидетельства Бунина: «Сатана каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода». А это слова поэта-романтика, прозвучавшие задолго до русской революции: «Коммунизм поднял... тысячи голов, которые... зияют и ревут... А что они ревут? Твое теперь мое... Опьянение слишком сильное и всеобщее...» «Германия падет», — с ужасом констатирует Жуковский. — «В Германии разгар революции... В Дании революция принимает угрожающие размеры...» — вторит ему Бунин...

В смутные времена, на которые обречен любой подлинный художник, остается лишь уповать на веру. И если для Жуковского вера в «светоносность бытия» была определяющей, то для Бунина путь к свету был куда более тернистым. Тем более выстраданными звучат его слова, неимоверным усилием веры раздвигающие тьму и утверждающие победу Света:

Ни пустоты, ни тьмы нам не дано:
Есть всюду свет, предвечный и безликий...
<...>
Есть некий свет, что тьма не сокрушит.
